

нять свои интересы и оценки. В круг чтения литературных героев вслед за Карамзиным попадает и В. А. Озеров. В юношеском сочинении В. Г. Белинского «драматической повести» «Дмитрий Калинин» герои с увлечением читают озеровского «Фингала», и это совместное чтение, как в повестях XVIII в., служит важным моментом в развитии дальнейших событий. Дмитрий рассказывает другу, как чтение помогло ему признаться в своих чувствах возлюбленной: «Я начал читать явление, в котором представлено свидание Фингала с Моинюю. Боже мой! что вдруг сделалось со мною? Я забыл трагедию, Моину, Фингала, — одни только слова его огненною рекою лились из уст моих; этот жар, это исступление, с коими я декламировал их, ясно показали Софье, что я чувствовал и к кому относится монолог Фингала».⁷³

Увлечение произведениями сентименталистов постепенно начинает восприниматься как отрицательная характеристика героя. Лермонтов не упоминает о круге чтения Грушницкого, но трудно догадаться о его литературных вкусах, судя по тому, как он ведет «сентиментальный разговор». Наконец, откровенной пародией звучат слова гоголевского Хлестакова: «Для любви нет различия, и Карамзин сказал: „Законы осуждают. Мы удалимся под сень струй“».⁷⁴

Реалистическая литература совершенно по-новому решила проблему «читающего» героя. Чтение само по себе как повседневное занятие образованного человека перестало уже быть какой-то особой характеристикой героя. Внимание по преимуществу сосредоточилось на том, как соотносится образ героя с кругом его чтения, как воспринимает он прочитанное (например, Макар Девушкин у Достоевского). Однако впервые специально поставила проблему читающего героя литература сентиментализма, сделавшая важный шаг на пути сближения словесной и бытовой культуры.

⁷³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 1, с. 430.

⁷⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 4, с. 76.